

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Национальное мессианство и
английские топонимы
в «Короле Лире»

Цель: ознакомиться с анализом трагедии Шекспира «Король Лир», предложенной Чжечолем Кимом и его семантическим прочтением топографии пьесы.

Ключевые слова: Шекспир, топография, мессианство, национализм, английский, шотландский, Кент, идентичность.

В данной лекции речь пойдет об эссе доктора философии, ассистента профессора английского языка в Университете Хансунга в Сеуле Чжечоля Кима.

Автор рассматривает драму Шекспира «Король Лир» с точки зрения проявления в ней английского национализма в период вступления на престол короля Джеймса (Якова I). Его пропаганда Союза королевств привела к подписанию им указа «Натурализация шотландцев». Шекспир, как английский подданный Джеймса, оказался меж двух огней: продвигаемой шотландским монархом идеей о Союзе королевств и его собственной преданностью именно английской земле. Таким образом, в эссе Чжечоля Кима рассматривается то, как это противоречие и разорванное сознание создает текстуально-национальную двусмысленность в пьесе Шекспира.

В эссе Кима рассматривается несколько аспектов, явно или косвенно выражающих конфликт, вызванный стремлением Джеймса создать Союз королевств. Автор делает попытку расшифровать подтекст, скрытый Шекспиром в речах персонажей, их именах, поступках. В лекции мы обратимся лишь к одному из этих аспектов – топонимы и их значение.

Нация и природа

Король Лир – это камера-обскура, которая создает перевернутые образы политической пропаганды Союза королевств Джеймса (Якова I).

В политической риторике Джеймса королевство, нация и природа – это единая сущность. Таким образом, в королевстве должна быть только одна система законов, одна религия, один язык, один парламент, один король и единая нация. Поскольку на Британских островах нет заметного территориально-топографического различия, нация – это один естественный географический организм. Это абсолютистское требование, приравнивающее корону к нации или личность короля к стране, риторически вытесняет шотландскую суверенность. Эта пропаганда привела к провозглашению «натурализации шотландцев». Тем не менее, для английских подданных Джеймса это антинационалистическое требование вряд ли было приемлемо. Палата общин отклонила это требование по двум причинам: во-первых, они «не хотели, чтобы шотландцы были равны в правах с коренными англичанами»; и они «возражали против отказа от древнего и почетного имени Англии».

Таким образом, Союз был достигнут без согласия английского парламента. За отказом парламента от требуемой Джеймсом натурализации шотландцев, что стало обязательным требованием создания Союза, скрывался очень досадный вопрос, поднятый Палатой общин: «Что является объектом верности – король или земля?». Эта фраза явно передает двусмысленность и разводит по разные стороны преданность шотландского монарха Союзу королевств и преданность английских подданных английской государственности, метонимически выраженной здесь как «земля».

В конце концов, пропаганда герцога Альбани подчеркивает огромную разницу между «монархией» и «нацией» или между «телом короля» и «национальной землей». Этот национально-политический контекст «Короля Лира» имеет решающее значение.

Пьеса «Король Лир» балансирует между британской монархией и английской государственностью, родословной короля и английской землей, абсолютистским заявлением шотландского монарха и раздором английского парламента, направленного против него. Но самое главное, эта двусмысленная политическая принадлежность вызывает огромный конфликт в ментальности англичан, конфликт между тем, «что (они) чувствовали» и «что (они) должны были говорить» в присутствии шотландского монарха о его политических претензиях.

Шекспир подобрал состав персонажей в английском националистическом контексте, а не в пользу монарха. Более важной мотивацией в изображении времени в «Короле Лире»

является то, что искупительные образы пьесы не связаны со временем и историей, а скорее с географией и пространством. По этой причине, как полагает Ч. Ким, следует читать «Короля Лира» с «топографической» точки зрения. Несмотря на то, что в последнее время ряд критиков обратился к картографическим особенностям пьесы, они до сих пор не указали на региональную историографию. Из пьесы становится ясно, что поистине радикальные трагические конфликты связаны с проявлением регионально-топографической преданности.

Топография

В пьесе герцоги Альбани, Корнуолл и король Франции, претендующие на земли Лира, выражают национальные разногласия. Эти три титула, относящиеся к кельтским национальным учреждениям власти, занимают более высокое политическое положение и власть: их титулы короля или герцогов стоят выше двух английских персонажей – графов Кента и Глостера. Это локализованное формирование идентичности достаточно интересно. Пьеса, выделяющая этих двух преданных английских графов, определяет наиболее угрожающие политические идентичности в лице иностранных национальных сил Альбани, Корнуолла и Франции.

Вопрос с национальной идентичностью решен Шекспиром довольно просто: король Франции застревает в Довере, потому что английская/британская почва его не принимает. И поскольку король Франции отсутствует, то пьеса Шекспира квалифицирует национальную борьбу в пьесе только между английской идентичностью, с одной стороны, и кельтизмом на Британских островах, с другой. При этом, если пьеса создает национальный стиль повествования, то она неизбежно ограничивается британскими топографиями.

По общему признанию, напоминает Ч. Ким, все искупительные образы и идеи в трагедии сфокусированы на Корделии. За обликом Корделии стоит сложный национально-региональный подтекст. Поэтическое мастерство Шекспира в «Короле Лире» ярко проявляется в выражении посредничества между Корделией и самым лояльным подданным Лира, графом Кентом. Он символизирует истинную мужскую силу в разрушенном отечестве, которое находится под угрозой исчезновения из-за отсутствия у престарелого короля наследника мужского пола.

Таким образом, если Корделия изображается в пьесе как единственный законный наследник Лира, и, метафорически, олицетворяет английскую нацию, то граф Кент – ее мужское отражение. Такое объяснение подтверждается региональными метафорами, указывающими на ее сложную связь с графством Кент. Примечательно, что региональное и топографическое, так сказать, оформление преданности (через титулы) – это собственное изобретение Шекспира, подчеркивающее английскую идентичность.

Еще более важно, что личность Корделии связана с определенной региональной английской географией. Луи Монтроз утверждает, что в царствование королевы Елизаветы государство пыталось укрепить культ Девы, олицетворяя его с властью. Если Корделия является национальной девственной иконой, как королева Елизавета, которая объединила королевскую родословную и английскую государственность более прочно, чем Джеймс, то графство Кент топографически или регионально выражает чистоту Корделии как национальный оплот.

Описания Кента часто встречаются в топографии времен Елизаветы и Джеймса: например, Уильям Камден описывает Кент как девственную территорию, цитируя из неизвестного латинского источника, что «это графство [Кент] никогда не было завоевано, но, заключив мир, подчинилось господству завоевателя, сохраняя для себя все свои свободы, права и обычаи, которые они имели и использовали».

Если представить королеву Елизавету как непобедимый национальный географический символ, то это будет графство Кент. Топографическую преданность Кенту в «Короле Лире» можно изучить более подробно.

Земля в литературе времен Елизаветы и Джеймса выступала как персонифицированный образ и была постоянным мотивом, будучи наделенной особой семантической значимостью. Такая локализованная преданность обычно противостояла монархической власти и подчеркивала национально-региональные идентичности. Поэт Майкл Дрейтон представляет графство Кент как носителя национализма в английской истории. Особенно проявляется

его проанглийский национализм, когда поэт описывает земли, реки, горы, деревни, города графства. Земля Кента – свидетель длинного списка англосаксонских побед над французами, ирландцами, валлийцами и, в частности, шотландцами.

Наряду с его непобедимой девственностью, Кент, по сути, является англо-саксонской этнической территорией, которая «восстанавливает» национальную свободу от «законов иностранцев»; этот региональный аргумент лучше всего объясняет, почему Шекспир в «Короле Лире» централизует национальное мессианство вокруг образа Кента. Графство Кент содержит радикальную утопическую «уравнительную политику». Когда она используется в контексте Кента и его региональной экономики, то означает старый кентский обычай «гавелкайнда» – при отсутствии завещания равный раздел земельной собственности между сыновьями покойного или, если нет сыновей, между его дочерьми.

Это понятие «гавелкайнда» также хорошо отражено в книге Уильяма Ламбарда «Инспектирование графства Кент». Для Ламбарда Кент – это земля йоменов и простых людей по праву обычая, и «все соглашаются, что в Кенте никогда не было невольников».

Очевидно, что за текстами «Короля Лира» стоят тревожные социальные распри, вытекающие из разных традиций по распределению собственности, в том числе, обычай лишения прав незаконнорождённых. Если это так, то уравнительный обычай графства Кента, называемый гавелкайнд, подходит для решения всех проблем, возникающих вокруг вопросов собственности, которые поднимаются в трагедии, и это может быть одной из причин, по которым Кент становится топографическим фоном пьесы. Такое утопическое видение, наряду с его региональной территорией, незагрязненной какой-либо другой государственностью, – это то, почему Кент может пользоваться статусом «главного» и «метрополии» над всеми другими частями страны. С этими геополитическими последствиями Кент как человек и Кент как географический ареал воплощают в «Короле Лире» все мессианские ожидания.

Шотландия (Альба), Альбион и Альбани

К концу пьесы действие смещается в Дувр. Это небольшой порт/форт в Кенте: траектория повествования движется на юг, как будто она хочет избежать угрожающего сближения с севером. В Дувре находятся французские войска Корделии, и они могут победить британские силы Эдмунда. Но все же это понимание не совсем верное, потому что, учитывая националистическое начало пьесы, «французская идентичность» не может приветствоваться англичанами. Причина географической локализации в Дувре не очень четко изложена в тексте, и когда Корнуолл и Ригана допрашивают Глостера о местонахождении Лира, они неслучайно трижды повторяют фразу «Почему в Дувр?». Ответ на эту пространственную централизацию Глостер дает только в следующем акте. Однако его ответа недостаточно, чтобы полностью понять геополитику Шекспира. Слепой Глостер, провожаемый своим сыном Эдгаром, прокладывает исторический путь в Дувр, из которого «ему не понадобится проводник», и предполагается, что конец света смещается к этой конкретной региональной точке. По мнению Ч. Кима, Дувр является культурно-национальным пороговым местом, географически и символически разграничивая внутреннее существование англичан на острове и их внешнее сосуществование с соседними странами и нациями, находящимися по другую сторону Дувра.

Говоря более детально, в контексте притязаний на Королевский Союз Джеймса Дувр является местом, в котором жители в отличие от молчания придворных при дворе проговаривают, обсуждают абсолютистские требования британского Королевства и народную топографическую преданность английской государственности. Кроме того, для английских подданных, в том числе и для Шекспира, это место, в котором они могут преодолеть конфликт между тем, «что (англичане) чувствовали» и «что (англичане) должны были говорить» своему шотландскому монарху. Символически, что «проговаривание» политической ситуации и грозящей стране опасности происходит именно в Дувре. На самой границе королевства, на его краю, намекая на возможную потерю государственности.

Необходимо исследовать, говорить Ч. Ким, принадлежность Дувра кентской английской идентичности. Шекспир не указывает начальную точку «паломничества» Глостера и Эдгара.

Однако Эдгар здесь замаскирован под «сумасшедшего нищего», что явно указывает на его лондонскую провинциальную субъективность. Наиболее вероятно, что Глостер и Эдгар проходят по дороге Уотлинг-стрит, которая ведет от Лондона до Кентербери. Таким образом, они проходят по длинному пути через сердце графства Кент. В Кенте расположена национальная святыня Кентербери, которая может указывать на путь героев как на «паломничество». Этот путь через все графство Кент в Дувр, пройденный Эдгаром и Глостером, олицетворяет собой геополитические идентичности лояльных Корделии и графу Кенту, т. е. национально-региональную принадлежность этой земле.

Действительно, конечный пункт их назначения (скала Дувра) демонстрирует шекспировскую английскую национальную фантазию. Эта острая скала защищает исключительную английскую идентичность от других национальностей и культур. Имея выход к морю и располагаясь напротив французского города Кале эта территория, которая географически обособляет Британские острова и защищает от континентальных влияний. Ламбард указывает в книге «Инспектирование графства Кент», что, когда было франко-нормандское нашествие в 1216 году, Дувр был единственным непобедимым портом из пяти портов Англии, а в следующем году великая победа Губерта де Бурга, который был «констеблем» и «графом Кента», над французскими военно-морскими силами спасла английское царство от «иностранный порабощения».

Таким образом, Дувр, британский порт, подвергался нападениям с континента и сопротивлялся иностранным вторжениям. Ламбард олицетворяет Дувр как «клиф, являющийся ключом к сердцу всей Англии».

Теперь неудивительно, что это национальное место становится надлежащим местом искупления в «Короле Лире». Дувр становится литературным местом, где все трагические противоречия должны быть разрешены. Дувр, кажется, является подходящим оплотом английских ценностей, противостоящих кельтским осквернениям Корнуолла и Альбани. Кроме того, учитывая, что «Король Лир» был написан во время пропаганды Джеймсом Союзом Королевств, Дувр – это место, в котором английские подданные могли говорить о том, что они действительно чувствовали относительно герцога Альбани и его шотландских подданных.

Ч. Ким считает необходимым отметить, что это символическое местоположение означает самый ксенофобский британский национальный эпитет, происходящий от белых клифов (утес) Дувра – Альбион. Это исключительно английское, а также и британское название происходит от гальской этимологии «альбы», что в основном относится к шотландскому монарху – Альбани.

Учитывая, что пьеса предполагает изображение британской истории до короля Артура, слово «Альбион» само по себе вызывает британский (а не английский) миф об историческом происхождении. Таким образом, утес Дувра определяет Британские острова с точки зрения Альбио-шотландской или британской, а не английской идентичности. Место становится одноименным для шотландской местности (Альба-Шотландия) и, таким образом, удовлетворяет просьбу Джеймса о Союзе под именем Альбион или Британия.

Действительно, фраза «Пусть Альбион станет единым целым» была самым угрожающим политическим тезисом того времени, безоговорочно отвергнутым английскими подданными Джеймса.

Таким образом, шекспировская трактовка Дувра политически и семантически расколота: двукое национально-культурное значение Дувра никогда не приведет к общему знаменателю, потому что пытается одновременно удовлетворить и совместить важнейшую английскую идентичность и пожелания монарха Альбиона (Шотландии).

Этот политико-национальный раскол ярко выражен в повествовании: окончание пьесы происходит близ Дувра. Самая загадочная особенность пьесы, созданная этими множественными семантическими двусмысленностями, заключается в том, что упоминания о Дувре в качестве региона графства Кент, а также его утесе Альбион не появляются в пьесе. Значение утеса Альбион и его последствия для нации находятся в неопределенном состоянии: об этом символическом месте слышаны, о нем мечтают и в него верят, но его присутствие всегда отсрочено, отложено.

К концу повествования французские силы Корделии причалили к Дувру, но действия происходят только рядом с Дувром. В «Короле Лире» сам Дувр выступает одновременно англий-

ской и британской территорией, удовлетворяя английский национализм и абсолютистские притязания Джеймса, но Шекспир выставляет Дувр как чужой «французский лагерь».

Помешавшийся Лир, находясь в Дувре, говорит путано: «Я во Франции?». После воображаемого создания Эдгаром утеса Дувра, который является реальностью в представлении Глостера, Эдгар говорит, что «тщеславие может ограбить». По его мнению, идея достижения истинной национальной идентичности, а также надлежащего происхождения истории может быть лишь «тщеславием». В стране Короля Лира больше нет национальности как сущности или врожденной национальности, а существует только нечто, чем манипулируют в чьих-то целях. Именно по этой причине Дувр, как знаковый символ истинной нации, не упоминается и не присутствует в пьесе, а только его образ создает определенное влияние. Так шекспировская национальная трагедия топографически реагирует на притязания Джеймса, на объединение Британии и ее единой сути, и единой нации.

Тем не менее, трагический рассказ Шекспира об истории короля Лира превращает герцога Альбани в добросердечного персонажа, доживающего до конца повествования. Корнуэльская идентичность просто замалчивается преждевременной смертью Корнуэлла. Это понятно, учитывая, что в шекспировскую эпоху корнуэльская народность уже входила в состав Англии.

Таким образом, только существование герцога Альбани становится национальной изменой к концу трагедии, вызвав вступление Джеймса на престол, который с февраля по июль 1567 года носил титул герцога Альбани. Шекспир не мог быть более точным насчет этого. Неизбежно, что в пьесе герцог Альбани, предлагающий объединение с шотландцами, является очень сложным персонажем, который высказывается за разделение земли и в то же время восстанавливает в конце повествования утраченный порядок Англии.

Завершая обзор, Ким добавляет, что существующие различия в версиях Quarto и Folio пьесы «Король Лир» заключаются в том, что версия Quarto была исполнена перед королем, и поэтому заключительная речь принадлежит герцогу Альбани, а в версии Folio нарушенный в стране порядок восстановлен Эдгаром.

Майкл Уоррен резюмирует политическую интерпретацию текстовых редакционных изменений следующим образом: в Quarto Эдгар остается незрелым молодым человеком, в то время как герцог Альбани выступает как скромный, но морально сильный и честный человек.

В версии Folio Эдгар превращается в потенциального правителя, решительного человека, в то время как герцог Альбани выступает более слабым человеком, который отказывается от своих обязанностей.

Ни в одной из этих версий перспектива для страны не вызывает большого оптимизма, но видение кажется более мрачным и темным в версии Folio, где молодой Эдгар, неопытный в правлении, не получает поддержки.

Майкл Уоррен предполагает, что Шекспир попытался показать превосходство английской идентичности над шотландской в более поздней версии пьесы – учитывая, что мы можем рассматривать версию Folio как более позднюю и доработанную версию. Несмотря на то, что в версии Folio Шекспир создает более экстремальный финал, он не позволяет герцогу Альбани установить национальный порядок.

Таким образом, резюмирует Чжечоль Ким, редакционные различия между версиями Quarto и Folio выражают раскол между политической преданностью монарху шотландского происхождения и преданностью автору английской государственности и идентичности.

Следующая лекция будет посвящена краткому изложению сути современных видов литературной критики, таких как марксистская литературная критика, историческая критика, «новая критика» и «новый историзм».

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем выражено английское национальное мессианство?
2. Какой подтекст содержат английские топонимы в пьесе Шекспира?
3. Как использование английских топонимов позволило Шекспиру выразить свою преданность английской идентичности?

Литература:

1. Anderson Benedict. Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1991.
2. Axton Marie. The Queen's Two Bodies: Drama and the Elizabethan Succession. – London: Royal Historical Society, 1977.
3. Camden William. Britannia. The Philological Museum. The University of Birmingham// <http://www.philological.bham.ac.uk/cambrit>.
4. Escobedo Andrew. Nationalism and Historical Loss in Renaissance England: Foxe, Dee, Spenser, Milton. Ithaca. – NY: Cornell University Press, 2004.
5. Montrose Louis. A Midsummer Night's Dream and the Shaping Fantasies of Elizabethan Culture: Gender, Power, and Form// Rewriting the Renaissance: The Discourse of Sexual Difference in Early Modern Europe. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987.
6. Warren, Michael. Quarto and Folio King Lear and the Interpretation of Albany and Edgar//Critical Essays on Shakespeare's King Lear. – New York: G. K. Hall, 1996.